

логии, климата и дендрохронологии региона. Другими специалистами Вологды начаты работы по выявлению «краснокнижных» растений вокруг святилища. Проводятся работы по определению породы обоих его камней. Эти работы инициированы председателем Вологодского отделения Русского географического общества (ВО РГО) доктором географических наук Н.К. Максутовой. ВО РГО и администрацией Тарногского района начата процедура создания особо охраняемой территории (ООПТ) вокруг Тиуновского святилища и в Тиуновской священной роще. Целью организации ООПТ является создание многофункционального туристического бренда Тарногского района и области, в первую очередь для решения образовательных задач.

Литература

Никитинский И.Ф. Грунтовые могильники в священных рощах-«кустах» на Кокшеньге и Сухоне // Краткие сообщения института археологии СССР. – М., 1989. С.74–80.

Никитинский И.Ф. Исследования археологических памятников XIV–XV вв. на верхней Кокшентге // Древности Русского Севера. Вып.1. – Вологда, 1996. – С. 212–218.

Никитинский И.Ф. Тиуновское святилище – школа кокшаров XV века? – Вологда, 2007.

Ю.В. Розанов
(Вологда)

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ МАЛЫХ ЖАНРОВЫХ ФОРМ В ПРОЗЕ АЛЕКСЕЯ РЕМИЗОВА

В индивидуальной системе жанров А.М. Ремизова существует такая разновидность малой повествовательной формы, как завитушка. Иногда это жанровое определение входит в заголовочный комплекс, иногда становится собственно заглавием, в ряде случаев «восстанавливается» косвенным путем через письма, дневники и мемуары писателя. В научной литературе о Ремизове эта жанровая форма не рассматривается.

Вопрос осложняется тем, что в «поэтическом хозяйстве» Ремизова понятие завитушки не является устоявшимся, в разные годы писатель вкладывал в него не вполне тождественные смыслы. В поздних автобиографических произведениях Ремизов с определенной долей иронии называл завитушками свои первые опыты – рассказы и стихотворения в прозе, написанные до августа 1900 года, «с тюрьмы до этапа в Усть-Сысольск».

В книге «Иверень» он вспоминает характерный эпизод, относящийся еще к пензенской ссылке: «На Рождество [1900 г. – Ю. Р.] приехал Мейерхольд. <...> Я читал ему свои «завитушки». По своей чувствительности он был в восторге. Он собирался в Ялту и покажет Чехову. А когда он появился на Пасхе и опять мы встретились, он говорил обо всем, но только не о Чехове. Я догадался, неловко было и все-таки спросил. Мейерхольд, не глядя мне в глаза, вынул из кармана мои листки: «завитушки» были написаны *калиграфически* [курсив наш. – Ю.Р.]. «Антон Павлович, – Мейерхольд помялся, – надо работать». Мейерхольд не договорил. Я договорю: Чехов сказал «реникса», что значит «чепуха» (Ремизов 2000: 400). В «Трех сестрах» есть рассказ о семинаристе, который прочитал слово «чепуха», как будто оно написано латиницей – «реникса». В 1954 г. Ремизов своеобразно «припомнил» классику этот случай, сделав «вселенскую чепуху» лейтмотивом своего очерка о Чехове (Ремизов 2003: 347–357). В другом месте автор рассказывает об аналогичной реакции на свои ранние произведения еще одного «позитивиста» – сотрудника газеты «Речь» Давида Абрамовича Левина: «Д.А. Левин не мог одобрить мои завитушки, юрист привык выводить одно из другого, а *заключенный завиток* [курсив наш. – Ю. Р.] «логически» никак не выведешь» (Ремизов 2003: 181).

Обратим внимание, что в обоих примерах, количество которых легко увеличить, присутствует отсылка к каллиграфии, знатоком и мастером которой был Ремизов. Упомянутый вскользь «заключенный завиток», так же, как и «завитушка», – это еще и зашифрованная подпись писателя. Любимый Ремизовым словарь Даля определяет первое значение слова «завитушка» как «завиток, в значении резного или писаного украшенья» (Даль 1956: 559). Под далевское определение «писаное украшение» подходят практически все варианты подписей Ремизова, но более всего интересен вариант, разработанный в 1922 г.

Датский славист Петер Ульф Мёллер, впервые опубликовавший эту подпись Ремизова в сборнике его писем к датскому литератору Оге Маделунгу, видит в ней и монограмму, составленную из букв фамилии, и своеобразный «автопортрет»: «Горизонтальная линия обозначает деление фигуры писателя на две половины – пара порхающих крыльев над разделяющей линией и пустой желудок под ней» (Moller 1987: 113). Крылья, по Мёллеру, символизируют литературное творчество, пустой желудок – бедственное материальное положение Ремизова. Аргумент исследователя заключается в том, что в сорока письмах писателя к своему другу только эти две темы и обсуждаются.

М.В. Безродный тоже увидел в подписи Ремизова автопортрет, но по-другому закодированный. Монограмма писателя в изобразительном плане представляет собой, по Безродному, «левопрофильный силуэт» птицы ремез (род синицы), от названия которой Ремизов производил свою фа-

милию: «... Перекладина и левая ножка «А» образуют раскрытый клюв, а литера «з» – стилизованный хохолок» (Безродный 1990: 226). Третий участник этого каллиграфического спора академик А.М. Панченко полагал, что графика Ремизова может восприниматься «как АЗЬ («кси» напоминает вычурный «ерь»), а перекладина а «А» осмысlena в качестве изображения земной поверхности, «линии жизни», отсылающей к странничеству. «АЗЬ» (я) – это человек, «возвышающийся» к небесной тверди и «углубляющийся в землю» (Безродный 1990: 228).

Спор известных славистов, конечно, весьма занимателен, но уже очевидно, что ремизовская графическая завитушка представляет собой зашифрованный знак, указывающий на какой-то важный, сокровенный для автора смысл. Это позволяет предположить, что и литературные завитушки писателя не так просты, как кажутся на первый взгляд, что и они содержат некую тайнопись, скрытую под нарочитой наивностью заглавия или жанрового определения. Рассмотрим два текста, генетически связанных с семантикой севера.

В 1908 году Ремизов в числе других литераторов и общественных деятелей получил от издательской фирмы «Заря» предложение поделиться с читателями своими соображениями о России, о «настоящем и будущем русской интеллигентии, литературы, театра и искусства» в сборнике. Писатель, прикидываясь неразумным сказочным персонажем вроде Иванушки-дурачка и немного ерничая, от прямого ответа уклонился: «Не умею я рассуждать. И все рассуждения дедушки Карамзина не направили меня, и статьи из газет не помогают, разве что Балда Балдович, – да где его нынче отыщешь Балду-то Балдовича, когда все всерьез? А потому на вопрос о России, – какая она такая Россия, чем живет и куда путь держит? – по-людски не берусь ответить. Могу только такую завитушку из жизни представить вроде притчи» (Ремизов 1910: 109).

Сюжет «завитушки» таков. Кот Котофей идет выручать *«из лап Лихи Одноглазого»* свою *«беленькую зайку»*. По пути герой попадает *«в один из старых северных русских городов, где все уже по русскому: и речь русская старого уклада, и собор златоверхий белокаменный и тротуары деревянные, и, хоть ты тресни, толку нигде никакого не добъешься»*. Котофей решает зимовать в этом городе и снимает комнату в бедном доме у одинокой женщины Мары Тихоновны. Обстановка, в которой живет Котофей, аллегорически соотносится с современной автору российской действительностью: *«Теснота, грязь, клопы, тараканы, – не то, чтобы гнезда, а так сплошь рассадник ихний. И как эти люди: еще и душа в них держится?»* – раздумывал про себя Кот, почесываясь. Волшебное преображение неприглядной реальности, проявление истинной сущности Руси, причем с отчетливыми христианскими коннотациями, происходит, когда хозяйка начинает рассказывать сказки. *«Клоп тебякусает, блока почтет [так. – Ю. Р.], шебуршат по стене тараканы, – ничего ты не чув-*

ствеешь, ничего ты не слышишь: летишь на ковре самолете под самым облаком за живой и мертвой водой. Это ли ветер с моря-океана поднялся, ударил, подхвачил, понес голос далеко по всей Руси; это ли в большой пасхальный ударили колокол и звон, перекатываясь, разбежался по всей Руси? Тоска приотхлынула, воспламенилось сердце, — прошел звон в сырую землю. Она, земля, — твоя мать вещая голубица. А там стелятся зеленые ветви, на ветвях — мак-цветы. На белом коне через леса по полям едет Григорий Светло-Храбрый. Вот тебе живая вода и мертвая, и уж не Марья Тихоновна, — Василиса Премудрая стала, царевна, — глядит на Кота». «Завитушка» Ремизова имеет некоторые жанровые признаки притчи, по крайней мере, «притчевость» входила в авторское задание. «Мораль» ремизовской притчи, ее констатирующую идеологему можно сформулировать так: будущее России — в обращении к национальным истокам и традициям, будущее русской культуры — в сближении с творчеством народа. Удивительно, но критика не смогла или не захотела, что более вероятно, дешифровать и прокомментировать довольно простую мысль писателя. В.П. Краухфельд, например, с сарказмом заметил по поводу «завитушки»: «Может быть, в ней нет никакого содержания? А, может быть, она скрывает в себе какую-нибудь глубокую и значительную мысль? Одно можно сказать: завитушка с одинаковым интересом читается и с конца, и с начала, и с середины» (Краухфельд 1909: 91). Таким образом, перед нами серьёзная декларация Ремизова, призывающая литературу обратиться к народной традиции, но спрятанная в сказочную оболочку.

Небольшой очерк о Гоголе Ремизов написал в 1922 г., предполагая, очевидно, напечатать его к семидесятилетию смерти любимого писателя. В данном случае тактика писателя не вполне оправдалась — очерк был опубликован с полугодовым опозданием осенью 1922 г. в «Руле» — популярной газете «русского» Берлина (Ремизов 1922: 2–3). Название «Кикимора» объясняется тем, что автор сопоставляет Гоголя с этим персонажем северной народной мифологии.

Вторая публикация состоялась тоже в юбилейном 1929 г. и тоже с полугодовым опозданием. Под новым названием «Тайна Гоголя» ремизовская миниатюра была напечатана в пражском журнале «Воля России», одном из самых «левых» в эстетическом смысле журналов русской эмиграции (Ремизов 1929: 63–67). Автор поменял название очевидно из тех соображений, что в прежнем заглавии «Кикимора» уже содержался ответ, на вопрос, заданный в очерке: кто же такой Гоголь? (Ответ стоял впереди вопроса). Кроме того, у него уже был текст с таким названием, не имеющий к Гоголю никакого отношения. О жанре своего произведения Ремизов сообщает в письме к Л.И. Шестову от 7 июля 1929 года: «Есть у меня небольшая *з*авитушка [курсив наш. — Ю. Р.] в 8000 букв. (200 газетных строчек). Называется: «тайна Гоголя» (Ремизов 1994: 179).

В третий раз, и снова под другим названием – «Природа Гоголя», «завитушка» вошла в книгу Ремизова о русских писателях XIX в. «Огонь вещей», более чем наполовину состоящую из текстов о Гоголе (Ремизов 1954: 116–119). Прокомментировать изменение заглавия не так сложно – к этому времени само словосочетание «тайна Гоголя» уже набило оско-мину, стало чуть ли не бульварным штампом. В.В. Розанов в 1909 году опубликовал очерк «Загадка Гоголя», позже в «Опавших листьях» он рас-суждал о «половой загадке» писателя, которая находится где-то в «пре-красном упокойном мире» (Розанов 1915: 15), Н.А. Бердяев находил «ка-кую-то неразгаданную тайну» Гоголя в российских революционных со-бытиях (Бердяев 1918: 21), любители посмертных диагнозов приписывали классику целый букет «тайных болезней» от сифилиса до онанизма... Ремизов, скорее всего, не хотел, чтобы его произведение воспринималось в этом контексте, поэтому и появилось близкое по смыслу, но, конечно, не такое яркое название «Природа Гоголя». В композиции книги «Огонь вещей» завитушка стоит в сильной позиции – на последнем, 15-м месте среди текстов о Гоголе. Автор, видимо, предполагал, что читатель, озна-комившись с довольно парадоксальными трактовками классика, прочитав уже совсем «странные» ремизовские дополнения к «Мертвым душам», в этой последней главе найдет ключ к прочитанному, объяснение и оправ-дание всего цикла о Гоголе.

О том, что завитушка о Гоголе являлась для Ремизова чрезвычайно важным, личностным текстом, свидетельствует и последняя попытка ав-тора включить его в некое специфическое «избранное» – книгу «Мерлог» (вторая половина 1950-х годов). Книга представляет собой сборник не-больших по объему произведений – очерков, афоризмов и «завитушек», посвященных литературному творчеству. Почти все тексты были уже опубликованы или отдельно, или в составе других сборников Ремизова. Как проницательно отметила Антонелла д' Амелия, «Мерлог» – «мон-таж» для себя, а не для читателя (Д'Амелия 1991: 199). В сборнике «Мер-лог» писатель вернул «завитушке» заглавие «Тайна Гоголя» – на пороге вечности уже не было смысла учитывать земной контекст, всю эту лите-ратурную суету...

Если две первые публикации текста прошли практически незамечен-ными, то третья, в книге «Огонь вещей», обратила на себя внимание и критиков, и историков русской литературы. Всех, прежде всего, интересовало одно – с чего Ремизов взял, что Гоголь – кикимора. (Текст Ремизо-ва, как кажется, и не допускает никаких иносказательных, метафориче-ских толкований). Младший современник писателя Д.И. Чижевский, ав-тор нескольких интересных работ о Гоголе, в рецензии на «Огонь вещей» назвал Ремизова «писателем, который в наше дни ближе всего к «гого-левской» традиции русской литературы», но при этом заметил, что его «книга... в части, посвященной Гоголю, отличается ... и своеобразием чис-

то ремизовского стиля, и намеренной гиперболичностью утверждений. Главы о Гоголе содержат много кажущегося «озорства» (Чижевский 1955: 285). Действительно, некоторое озорство в историко-литературных суждениях писателя встречалось, хотя и крайне редко. Ремизов предпочитал чудить в жизни, а не в литературе.

В современном гоголеведении, которое в целом высоко оценивает книгу «Огонь вещей», кикиморному парадоксу писателя найденоказалось бы вполне логичное объяснение. «А.М. Ремизов, – пишет Л.А. Сугай, – опубликовал… статью, написанную в традициях мифопоэтики символистов и под типичным для них названием – «Тайна Гоголя». Для характеристики творчества и самого образа писателя автор использовал персонаж низшей демонологии – кикимору, тем самым «расширив» галерею чертей, ведьм и колдунов, с которыми прежняя символистская критика соотносила образ Гоголя» (Сугай 2006: 50). В общем плане это, конечно, верно, но сам Ремизов рассуждал несколько иначе.

Познакомившись с кикиморой в вологодской ссылке, начинающий писатель стал внимательно изучать «северную химеру» по доступным ему этнографическим материалам. Вскоре он наткнулся на легенду о кикиморе в сборнике И.П. Сахарова (Сахаров 1885: 36–38). История жизни кикиморы поразила Ремизова многими совпадениями с его собственной судьбой: оба «некошные дети» (появились на свет не по желанию родителей), обоим свойственно озорство и юмор, тяга к игре и творчеству и, наконец, чувство одиночества в этом мире… В конце концов писатель идентифицировал себя с этим мифологическим персонажем. Он, конечно, хорошо понимал всю экстравагантность своей теории и не кричал на каждом углу, что он кикимора, однако определенные намеки в своих произведениях и в «творческом поведении» делал. Раскрыть свою тайну Ремизов собирался в конце жизни в итоговой биографии, которую по его рассказам писала Н.В. Кодрянская. Ученица писателя решительно отвергла эту идею: «…о вашем кикиморном начале не напишу» (Кодрянская 1977: 11).

Какое-то время Ремизов полагал, что он единственный из людей обладает этим «кикиморным началом», но в начале 1920-х годов, обратившись к изучению биографии и творчества Гоголя, понял, что нашел родственное существо. О том, что Гоголь «не вполне человек», догадывались еще символисты. Ремизов, как видим, пошел гораздо дальше. Поэтому нам кажется правомерным рассматривать «Тайну Гоголя» и все другие гоголевские главы книги «Огонь вещей» не только как запоздалый рецидив гоголеведения символовистов, но и в контексте русской литературы 20-х годов, когда актуализировались поиски «нового Гоголя».

Литература

- Д'Амелия А. Неизданный «Мерлог» Алексея Ремизова // Минувшее. Исторический альманах. Вып. 3. – М., 1991.
- Безродный М.В. Об одной подписи Алексея Ремизова // Русская литература. – 1900. – № 1.
- Бердяев Н. Духи русской революции // Из глубины. Сборник статей о русской революции. – М.; Пг., 1918.
- Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. – М., 1956.
- Кодрянская Н. Ремизов в своих письмах. – Париж, 1977.
- Краухфельд В. Литературные отклики // Современный мир. – 1909. – № 11.
- Ремизов А. Завитушка // Куда мы идем? Настоящее и будущее русской интеллигенции, литературы, театра и искусств. Сборник статей и ответов. – М., 1910.
- Ремизов А.М. Иверень // Ремизов А.М. Собрание сочинений. В 10 тт. Т. 8. – М., 2000.
- Ремизов А. Кикимора // Руль. – 1922. – 21 сентября. – № 551.
- Ремизов А. Огонь вещей. Сны и предсонье. Гоголь. Пушкин. Лермонтов. Тургенев. Достоевский. – Париж, 1954.
- Ремизов А.М. [Письмо Л.И. Шестову от 7 июля 1929 г.] // Переписка Л.И. Шестовой с А.М. Ремизовым // Русская литература. – 1994. – № 2.
- Ремизов А.М. Петербургский буерак // А.М. Ремизов Собрание сочинений. В 10 тт. Т. 10. – М., 2003.
- Ремизов А. Тайна Гоголя // Воля России. – 1929.
- Розанов В. Опавшие листья. Короб второй. – Пг., 1915.
- Сахаров И.П. Сказания русского народа. Народный дневник. Праздники и обычаи. – СПб., 1885.
- Сугай Л.А. Гоголь и культурная жизнь русской эмиграции первой волны // Н.В. Гоголь и русское зарубежье. Пятьте Гоголевские чтения. – М., 2006.
- Чижевский Д. Три книги о Гоголе // Новый журнал. – 1955. – № 41.
- Moller P.U. Some Observations on Remizov's Humor // Aleksej Remizov. Approaches to a Protean Writer. – Columbus (Ohio), 1987.